УДК 821.161.1-31(71)
ББК 84(7Кан)-44
Б86

Художественное оформление и макет Андрей Бондаренко

Бочоришвили, Елена.
Только ждать и смотреть / Елена Бочоришвили. — Москва : АСТ : CORPUS, 2015. — 416 с.

ISBN 978-5-17-087702-7

Живущая в Канаде Елена Бочоришвили пишет по-русски, но корни ее маленьких повестей — в Грузии, в наивных картинах Нико Пиросмани и мудрых трагикомедиях великого грузинского кино. В ее текстах речь идет о странных людях, которые ссорятся и мирятся, влюбляются и расстаются, а если умирают, то только оттого, что у них почему-то больше не получается жить дальше. Бочоришвили следует традициям магического реализма, но лишает свои произведения придуманного волшебства, оставляя лишь магию повседневности — повседневности грустных, забавных, растерянных, несчастных и невероятно счастливых людей, которые больше всего на свете любят жизнь, какой бы тяжелой она ни была.
В книгу “Только ждать и смотреть” вошли четыре ранее не публиковавшихся произведения Елены Бочоришвили и три текста, уже издававшиеся на рус-
ском языке.

УДК 821.161.1-31(71)
ББК 84(7Кан)-44

ISBN 978-5-17-087702-7

© Е. Бочоришвили, 2013
© Éditions du Boréal
© А. Бондаренко, макет, художественное оформление, 2015
© ООО “Издательство АСТ”, 2015
Издательство CORPUS ®

Б86

Только ждать и смотреть 9

История рояля
75

Мои душистые старички и благоухающие старушки 135

Опера
259

Красивая жизнь, Бель Ви 299

В эмиграцию...
359

Голова моего отца
363

Содержание

Только ждать и смотреть

11

В

ремя от времени с братом профессора
Дюбе случались приступы. Он раздевал-
ся догола, залезал на дерево и пел. Жен-
щины выбегали в сад и смотрели на него
во все глаза. В первый раз, может быть,
или в последний они видели голым красивого муж-чину. Целую жизнь ведь можно прожить и не увидеть.

Ванечка обнимал дерево детскими ручками и пла-кал. Он звал Андро по имени, а тот не откликался. — Посмотри на меня, — просил Ванечка, — посмо-три только!
Но Андро не смотрел. Он пел. Облака и птицы проносились над его головой. “Весна моя, любовь моя…” Он стоял на ветках, расставив ноги, — под ним валялся Монреаль, — и одна нога его, правая, была в носке.

— Душа — в правой ступне, — объяснил как-то Андро своему брату, профессору Дюбе, — ее всегда надо держать в тепле!

елена бочоришвили

12

Полковник с железными зубами, который служил на государственной южной границе в своей экс-посткоммунистической стране, вылезал в окно и сме-ялся: “Да чтоб из-за бабы, да это каким же педиком надо быть!” А иногда злился: “Слезай, птичка с яйца-ми, а то я тебя быстро с ветки сниму!” И на людей кричал, держась за оконную раму: “Ковер тащите! Что смотрите? Убьется ведь!” И не разжимал пальцев, чтоб самому из окна не выпасть.
Ванечка бежал за лестницей, которой не было. Люди внизу, под ногами Андро, продолжали скользить по грязному снегу и ругать мэра города.

Будто это мэр лично не вышел с утра с лопатой и не убрал талый снег. Бабушки в шубах из мертвых животных ступали осторожно, как по битому стеклу. Боялись упасть и не встать. Прыщавые школьницы, с лицами бледными и носами красными, спешили в школу в сапогах на босу ногу. Шик у них был такой, в самый лютый мороз — без чулок и даже, говорят, без исподнего. И повсюду, как забытые зонтики, висели объявления о продаже квартир. Будто весь город желал переехать. И у агентов на портретах были белые, замерзшие лица.
Весна была уже рядом — летали ведь птицы и обла-ка! — а все не шла, будто жила за Берлинской стеной. “Весна моя, любовь моя, приди, приди! — пел Андро с дерева. — Сердце мое все в крови, разрывается!”
Да, зови не зови...
Лилька-Блин, как назло, каждый раз упускала песню Андро. Она потом умирала от горя. Сидела

только ждать и смотреть

13

на огромной профессорской кухне, пила бесконеч-ный чай и сокрушалась. “И где ж я, блин, шлялась?” Чего бы она только не дала, чтобы увидеть брата про-фессора Дюбе голым, в одном носке на правой ноге. Это ведь почти то же самое, что увидеть голым само-го профессора Дюбе! Лилька бегала на языковые курсы, а говорить все равно не умела. Уж лучше бы сидела дома и дожидалась, пока Андро на дерево залезет!

— Ах, я так хотела услышать, как Андро поет, — объявляла она, невезучая, сидя в новом платье боль-ной профессорской жены. И бирки торчали в разные стороны. — За хорошую песню я жизнь отдам!
За песню?

Из дома профессора Дюбе выносили ковер и рас-тягивали его под деревом, на сером снегу. Андро допевал свою песню и падал. Не прыгал, а падал, как умирал. Ванечка закатывал его в трубу и нес домой. Ванечка однажды, поспорив, на спине пианино перенес.

И когда наконец Андро уносили, полковник закрывал окно и бежал искать Наташу Черную. И находил, и бил.
Ванечка разворачивал Андро на кровати и пла кал. — Хочешь, я тебе ее приведу, я ее из-под земли доста-ну! — всхлипывал. — Ты же мне как отец, как отец… Андро лежал в одном носке и молчал. Смотрел
в потолок красивыми стеклянными глазами и не пел,

как всякий труп. Толстые ангелы сидели на потолке и не стреляли — жалели стрелы.

елена бочоришвили

14

— Екатерина! — кричал Ванечка, как будто Екате-рина была рядом и могла его услышать. — Посмотри, что ты с человеком сделала! Ну что тебе стоит его полюбить?!

Как будто Екатерина могла полюбить.

Хозяин дома, профессор Дюбе, в сад никогда не выхо-дил, хотя песни брата, наверное, слышал. Он сидел у себя в подвале и играл на пианино. Не Горовиц, скажем прямо, не Горовиц! Но Наташа Черная — “И почему Наташа, если она черная?” — всегда опо-вещала его из-за закрытой двери. Она ставила метлу на пол, как ружье, и рассказывала: “Разделся догола, и залез, и запел”. Хотя в саду под деревом ее и не было! Она валялась, безобразно раскинув ноги, как вареная курица, где-нибудь на кухонном полу, пока Андро пел. И пока полковник с железными зубами, который служил на государственной южной границе, не отыскивал ее, не бил по щекам и не приводил в чувство.

— Весна моя, любовь моя, приди, приди!.. — хрипе-ла Наташа под закрытой дверью. Изображала Андро. Профессор Дюбе не приближался к двери и не открывал. Наташу это не волновало.
— И говорила мне Екатерина, — шептала Ната-ша, — никто не любил меня так, как он, а я не могу, не умею…

— Не могу? — вдруг эхом отзывался из-за двери профессор Дюбе. — Не умею?

только ждать и смотреть

15

Потом Наташа поднималась на третий этаж, вры-валась в комнату Клары, больной профессорской жены, и заводила театральным голосом: “Весна моя, любовь моя, приди, приди, сердце мое все в крови, раз-рывается…” И про Екатерину: “Единственный чело-век, кто когда-либо любил меня… а я не могу, не умею…” И про агентов недвижимости заодно, что висят повсюду, как портреты вождей, надоели. А дру-гих украшений в городе — как кот наплакал, ищи-сви-щи. Один серый снег! И девки-школьницы все без трусов, хотя кто проверял. Обнимала свою метлу, тряс-ла головой, раскидывала вокруг черные волосы и продолжала.

Женщины, что дежурили возле постели боль-ной Клары, от рассказов Наташи плакали. Даже те, что сами стояли в саду под деревом и песню Андро своими ушами слышали. Это ж надо уметь так рас-сказывать! Лилька-Блин считала, что хороший рас-сказ — даже лучше, чем секс.

— Ну чего же она, Екатерина ваша, не может чело-века полюбить? — возмущались экс-коммунистки, все с плохими зубами и в новых платьях больной профессорской жены, и бирки в разные стороны. — Или хоть обогреть? Разве можно людей с ума сво-дить? Вот дрянь, а!
Жена профессора Дюбе, женщина с прекрасной грудью, не отзывалась даже эхом.

Екатерина к тому времени уже давно покинула профессорский дом, и не звонила, и не приходила, хоть и жила в Монреале — работала в каком-то театре.